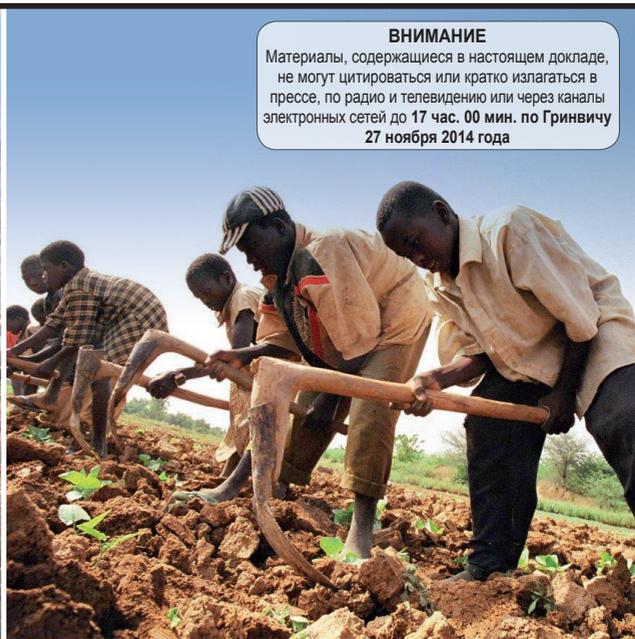

ДОКЛАД О НАИМЕНЕЕ РАЗВИТЫХ СТРАНАХ ЗА 2014 ГОД

*Рост при структурных преобразованиях:
повестка дня развития на период после 2015 года*

ОБЗОР

ВНИМАНИЕ

Материалы, содержащиеся в настоящем докладе, не могут цитироваться или кратко излагаться в прессе, по радио и телевидению или через каналы электронных сетей до 17 час. 00 мин. по Гринвичу 27 ноября 2014 года

КОНФЕРЕНЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ПО ТОРГОВЛЕ И РАЗВИТИЮ

Доклад о наименее развитых странах за 2014 год

*Рост при структурных преобразованиях:
повестка дня развития на период после 2015 года*

Обзор

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
Нью-Йорк и Женева, 2014 год

Примечание

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.

Употребляемые обозначения и изложение материалов в настоящем издании не означают выражения со стороны Секретариата Организации Объединенных Наций какого бы то ни было мнения относительно правового статуса любой страны, территории, города или района, их властей или относительно делимитации их границ.

"Доллары" ("долл. США") во всех случаях означают доллары США. Под "миллиардом" понимается тысяча миллионов.

Материалы, содержащиеся в настоящем издании, можно свободно цитировать или перепечатывать, однако при этом необходимо упоминать источник, а также делать ссылку на номер документа. Экземпляр издания, содержащего цитируемый или перепечатываемый материал, следует направить в секретариат ЮНКТАД.

Содержащийся в настоящем документе Обзор выпускается также в качестве части "Доклада о наименее развитых странах за 2014 год" (UNCTAD/LDC/2014, в продаже под номером E.14.D.1).

UNCTAD/LDC/2014 (Overview)

С настоящим Обзором на всех шести официальных языках Организации Объединенных Наций можно также ознакомиться в Интернете по адресу www.unctad.org/ldcr

Введение

В начале тысячелетия наименее развитые страны (НРС) демонстрировали наиболее высокие темпы роста за самый длительный период с 1970-х годов благодаря устойчивому глобальному росту, взлету сырьевых цен и динамичному притоку капитала. В 2000–2008 годах среднегодовой прирост реального валового внутреннего продукта (ВВП) этой группы превысил 7%, позволив надеяться на то, что некоторым НРС, возможно, удастся выйти из этой категории в нынешнем десятилетии. Однако после того как в 2008 году разразился глобальный финансовый кризис, а внешние условия воспроизводства коренным образом изменились, НРС пережили замедление экономической активности. В результате их экономический рост в последние пять лет был гораздо более вялым, существенно ниже целевого показателя в 7% в год, намеченного в Стамбульской программе действий (СПД) и считающегося необходимым для достижения Целей развития тысячелетия (ЦРТ).

Дальнейший прогресс в области развития человека может быть достигнут только за счет восстановления устойчивого экономического роста в НРС и ускорения структурных преобразований в их экономике. Это означает изменение структуры производства и занятости за счет опережающего роста тех отраслей и видов экономической активности, где выше производительность труда и добавленная стоимость. Так, лишь в том случае, если рост эффективности и изменения структуры их экономики будут идти рука об руку, они смогут достичь экономического прогресса на устойчивой основе и улучшить условия жизни наиболее уязвимых людей. Как показала история, устойчивый экономический рост и развитие достигаются теми странами, которые способны реальным образом преобразовать свою производственную базу, перейдя от низкой к высокой производительности труда, и диверсифицировать свое производство и экспорт.

В "Докладе о наименее развитых странах за 2014 год" рассматриваются связи между структурными преобразованиями, экономическим ростом и развитием человека. В нем проводится тот тезис, что НРС не могут и не должны нацеливаться только на совокупный рост: им необходимо также уделять внимание характеру модели роста и его основным движущим силам.

В Докладе также рассмотрен вопрос о том, что НРС могли бы сделать для перестройки своей экономики в целях активизации экономического роста и достижения ЦРТ и целей устойчивого развития (ЦУР), которые планируются им на смену, а также что международное сообщество может сделать для поддержки НРС в проведении теми структурных преобразований, а также в их усилиях по достижению ЦУР.

Недавние тенденции и перспективы для НРС

В условиях, когда оживление глобальной экономики по-прежнему медленно и неравномерно, в 2013 году НРС столкнулись с непростой внешнеэкономической конъюнктурой. Вялость глобального экономического роста, которая влекла за собой слабый международный спрос на сырье и соответствующее снижение сырьевых цен, негативным образом повлияла на экономический рост и экспортную динамику нескольких НРС. Приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) достиг рекордно высокого уровня, а приток денежных переводов продолжался в больших объемах, при том что официальная помощь развитию (ОПР) начала демонстрировать признаки застоя. Особо важным было то, что в 2013 году внешнеэкономическая конъюнктура существенно отличалась от крайне благоприятной ситуации 2002–2008 годов, когда НРС демонстрировали внушительную экономическую динамику.

Несмотря на менее благоприятную внешнюю конъюнктуру, страны группы НРС достигли в 2013 году среднегодовых темпов прироста ВВП в 5,6%. Это выше средних темпов роста развитых стран (1,2%) и всех развивающихся стран (4,6%), однако ниже скорректированного в сторону повышения показателя за 2012 год (7,5%) и средних темпов, превышавших 7%, достигнутых в ходе периода бума 2002–2008 годов. Однако такой опережающий рост их ВВП был сведен на нет их еще более быстрым демографическим ростом. Таким образом, реальный душевой ВВП в НРС как группе вырос в 2013 году на 2,8%, означая, что во многих НРС рост душевого дохода превышал их рост населения лишь на небольшую величину и поэтому окажет лишь ограниченное воздействие на уровень жизни в условиях массовой бедности.

Хотя во всех регионах НРС достигли сходных темпов роста (в районе 6%), их экономическая динамика, связанная с их экспортной специализацией, демонстрирует неоднозначные тенденции. В 2013 году в экспортерах продовольствия и сельскохозяйственной продукции, а также экспортерах минерального сырья отмечалось улучшение экономической динамики. Наоборот, в странах – экспортерах нефти, экспортерах товаров разной номенклатуры, экспортерах услуг и экспортерах готовых изделий рост замедлился, хотя и в разной степени. Темпы прироста в экспортерах топлива в 2013 году (4,7%) были существенно ниже, чем в предыдущем году (10,3%). Такое замедление было вызвано заметным снижением нефтяных доходов в Анголе, Экваториальной Гвинее и Чаде, где на состоянии топливного сектора отрицательно сказалось не только снижение добычи, но и снижение мировых цен на сырую нефть.

В 2013 году состояние текущего счета и товарной торговли НРС как группы ухудшилось. Их дефицит по текущим операциям продолжал расти, достигнув в 2013 году максимальной за предыдущие периоды отметки в 40 млрд. долл., а их дефицит в торговле товарами также возрос на 29%, достигнув 21,1 млрд. долларов. Тем не менее он был значительно ниже дефицита торговли, подскочившего в 2012 году на 338% из-за уменьшения экспорта при одновременном глобальном замедлении торговли товарами. Вместе с тем имеются заметные отличия сальдо баланса торговли товарами по различным географическим группам НРС. Резкое сокращение актива в торговле товарами произошло в африканских НРС и Гаити, став одной из причин увеличения отрицательного сальдо НРС. Дефицит в торговле товарами островных НРС вырос на 22%, достигнув высокого в сравнении с прошлыми периодами уровня в 1,6 млрд. долл. в 2013 году. С другой стороны, азиатские НРС сократили свой дефицит в товарной торговле на 3,2% до 23,4 млрд. долл., во многом благодаря росту экспорта трудоемких готовых изделий из Бангладеш и Камбоджи.

Вырос приток капитала в НРС, однако дефицит их внешних ресурсов в 2012 году продолжал расти. Рост притока капитала был обусловлен увеличением притока частного капитала в виде как денежных переводов, так и ПИИ, в то время как приток ОПР, крупнейшего источника внешнего финансирования НРС, демонстрировал признаки застоя. Два года подряд (в 2011–2012 годах) среднегодовой прирост притока ОПР составлял лишь 1%, отчасти из-за более широкого комплекса мер бюджетной экономии, принимавшихся донорами – развитыми странами в последние годы. Кроме того, снижение нормы сбережений в НРС привело к увеличению дефицита

внешних ресурсов, что повлекло за собой рост их потребностей во внешнем финансировании, необходимом для НРС уже давно, которое по-прежнему играет важную роль в финансировании инвестиций.

На этом фоне перспективы НРС в краткосрочном и среднесрочном плане остаются неясными. Хотя, как ожидается, в среднесрочной перспективе глобальное производство будет демонстрировать умеренный рост, неопределенность относительно темпов и масштабов подъема сохраняется. Уязвимость и неопределенность глобального подъема способны сдерживать экономическую динамику НРС из-за вялого международного спроса и снижения товарных цен. Необходимость адаптаций к изменяющейся внешней конъюнктуре всегда была одной из серьезных проблем для этих стран, однако в данный момент она усугубляется низкой конъюнктурой мировой экономики и преобладанием неопределенности.

Менее благоприятная внешняя конъюнктура в сочетании со снижением динамики роста НРС указывает на то, что достичь ЦРТ – или СУР, которые планируются им на смену, вероятно, будет исключительно сложно. Так, потребуются более стратегический подход к проведению необходимых структурных преобразований в интересах устойчивого и объединяющего экономического роста.

Прогресс НРС в достижении ЦРТ

ЦРТ воплощают цели развития глобального сообщества на период с 2000 года. Они заострены на снижении крайней бедности и голода, повышении основного уровня развития человеческого потенциала (в плане образования, гендерного равенства, здравоохранения, а также доступа к водоснабжению и санитарии), экологической устойчивости и на повышении уровня международной поддержки и развития. Поэтому конец цикла ЦРТ в 2015 году открывает важные возможности анализа прогресса НРС в достижении ЦРТ, а также оценки эффективности проводившейся до сего времени политики. Исключительно важно извлечь серьезные уроки из этого опыта, чтобы на этой основе формировать будущую политику и расширить возможности достижения более масштабных ЦРТ, связанных с повесткой дня развития на период после 2015 года, которая будет определять очертания дискуссии по проблемам развития в предстоящие 15 лет.

ЦРТ-1 предусматривает сокращение наполовину крайней бедности и голода. В среднем НРС уменьшили долю бедных (определяемую по прожиточному минимуму 1,25 долл. в день) с 65% населения в 1990 году до 45% в 2010 году. В процентных пунктах такое снижение не отстанет от сокращения в других развивающихся странах (ДРС) – с 40% до 20%. Однако оно значительно медленнее в относительном плане (менее трети по сравнению с половиной) и недостаточно для уменьшения бедности наполовину к 2015 году. Азиатские НРС демонстрируют гораздо более быстрый прогресс, чем африканские НРС и Гаити, и в целом не отклоняются от курса сокращения бедности наполовину. То, что неазиатские НРС в целом не смогли достичь ЦРТ-1, во многом отражает их неспособность транслировать быстрый по меркам прошлых периодов экономический рост в соответствующее увеличение достойной занятости и продвижение процесса структурной трансформации.

Средние показатели распространенности недоедания в НРС снижались медленнее, чем показатели бедности, с 36% населения в 1990–1995 годах до 29% в 2011–2012 годах, сокращение примерно на четверть. В плане сравнения это несколько меньше, чем в среднем по ДРС, и существенно меньше того, что необходимо для сокращения голода наполовину к 2015 году. Масштабы недоедания в африканских НРС и Гаити выше, чем в азиатских НРС, и, кроме того, сокращались медленнее. Однако даже последние не добились выхода на тенденцию снижения недоедания наполовину к 2030 году.

ЦРТ-2 касается всеобщего начального образования и предусматривает обеспечение того, чтобы "к 2015 году у детей во всем мире, как у мальчиков, так и у девочек, была возможность получать в полном объеме начальное школьное образование". Средний показатель доли учащихся начальной школы в данной возрастной группе в НРС увеличился с 1990 года наполовину – с 50% до 75%. Отмечался высокий рост процента учащихся начальных классов среди детей этой возрастной группы в африканских НРС и Гаити (с 46% до 71%) и в азиатских НРС (с 60% до 94%). Что касается гендерных диспропорций, то, хотя с 1990 года гендерный баланс в НРС на всех уровнях образования существенно улучшился, показатели 2005 года в среднем достигнуты не были и гендерный разрыв остается исключительно большим на уровне среднего образования и, в особенности, высшего образования.

НРС достигли существенного прогресса по показателям выживания детей и здоровья матерей (ЦРТ 4 и 5). Средняя смертность детского населения в возрасте до пяти лет сократилась почти наполовину с 156 на тысячу живорождений в 1990–1995 годах до 83 на тысячу в 2011–2012 годах, при этом положение дел несколько быстрее улучшалось в азиатских НРС, чем в африканских НРС и Гаити и островных НРС. Средняя материнская смертность на 100 000 живорождений в НРС как группе упала почти наполовину, с 792 в 1990 году до 429 в 2010 году, однако и этот показатель намного выше того, что необходимо для достижения данной цели. Эти улучшения отчасти отражают улучшение питания матерей и детей, а также повышение эффективности программ вакцинации и охраны здоровья матери и ребенка.

ЦРТ-6 предусматривает обращение вспять распространения инфекции вируса иммунодефицита человека/синдрома приобретенного иммунодефицита (ВИЧ/СПИДа) к 2015 году и обеспечение антиретровирусной терапии (АРТ) для всех нуждающихся в ней к 2010 году. Произошло заметное снижение распространенности ВИЧ/СПИДа в НРС с 2000 года, как и в развивающемся мире в целом, что отражает улучшение условий доступа к лечению, питанию, медицинской практике и использованию кондомов. Однако, несмотря на улучшения последних лет, цель всеобщего доступа к АРТ далека от достижения даже после запланированного срока 2010 года. Недостатки систем здравоохранения НРС во многом усугубляются распространением вируса Эбола в Западной Африке в 2014 году, что может поставить под угрозу или даже обратить вспять достижения ряда НРС региона в плане человеческого и экономического развития.

Сходным образом прогресс в доступе к безопасной питьевой воде и основной санитарии (ЦРТ-7) намного отстает от того, что необходимо для достижения этих целей. Средний доступ к улучшенным источникам водоснабжения вырос в НРС с 54% населения в 1990–1995 годах до 69% в 2011–2012 годах. Однако и в данном случае этого недостаточно для необходимого снижения вдвое доли населения, не имеющего доступа, к 2015 году, что потребует роста на 81%. До сих пор азиатские НРС демонстрировали существенно более высокую динамику, чем в среднем, и близки к достижению этой цели. Средний доступ к услугам санитарии вырос с 22% в 1990 году до 36% в 2012 году, менее половины среднего по ДРС (76%). И в этом случае азиатские НРС показали более высокую динамику, чем другие НРС, почти утроив доступ, однако даже они, вероятно, не смогут достичь этой цели.

В общем плане, по любым историческим меркам достижения НРС в период после 1990 года в областях, выделенных в ЦРТ, были замечательными. Тем не менее только одна НРС (Лаосская Народно-Демократическая Республика) уверенно продвигается к достижению всех семи показателей ЦРТ, оценки которых содержатся в "Докладе о наименее развитых странах за 2014 год". Отчасти это отражает ограниченный прогресс по ЦРТ-8, которая ставит задачу создания "глобального партнерства в интересах развития". Основные доноры недовыполнили свои обязательства по ОПР; долговые проблемы ДНС не получили всестороннего решения, в результате чего некоторые из них по-прежнему переживают долговой дистресс или сталкиваются с его риском; торговые преференции НРС по отношению к ДРС подверглись серьезной эрозии; глобальная архитектура экономики и финансов оказалась неспособной предотвратить крупные глобальные кризисы в финансовой, продовольственной и топливной сферах в период с рубежа столетий.

Между разными группами НРС имеются существенные различия в степени достижения ЦРТ. Если несколько азиатских НРС уверенно продвигаются к достижению большинства этих целей, то в большинстве африканских НРС и Гаити, а также в островных НРС прогресс был куда медленнее, и, таким образом, они не смогут достичь большинства ЦРТ. Это во многом связано со сравнительной динамикой структурных преобразований. Как правило, азиатские НРС добились больших успехов в изменении структуры производственной сферы своей экономики, где за последние 20 лет произошел перелив трудовых ресурсов в производства с более высокой производительностью труда. Наоборот, другие НРС добились незначительного прогресса в этом отношении, а в некоторых случаях даже произошел откат назад. Таким образом, разная степень успехов в достижении ЦРТ в группе НРС, по-видимому, связана с различиями в их экономической динамике за последние два десятилетия. Чтобы составить более полное представление о том, почему некоторые НРС добились более высоких результатов в достижении ЦРТ, необходимо проанализировать модели структурной трансформации и роста производительности труда в НРС, учитывая необходимые синергизмы между развитием экономики и человека.

От ЦРТ к ЦУР: восстановление связи между развитием экономики и человека

2015 год стал поворотной точкой в политике развития: после периода, когда усилия в области развития были сосредоточены на ЦРТ, начиная с 2015 года повестка дня развития будет зафиксирована в более широком – и гораздо более масштабном – комплексе целей устойчивого развития (ЦУР), которые должны быть достигнуты к 2030 году.

Человеческое и экономическое развитие тесно связаны друг с другом. Развитие человека в его широкой трактовке – главная цель экономического развития. В то же время экономическое развитие – это важнейшее средство развития человека. Таким образом, экономическое и человеческое развитие могут с наибольшей эффективностью достигаться за счет реализации обеих групп целей вместе путем проведения политики, которая устанавливает баланс между ними обеими и в полной мере учитывает их прямые и косвенные последствия для обоих аспектов. Из этого вытекает существенный недостаток экономической политики, нацеленной главным образом на обуздание инфляции и снижение дефицитов внешних балансов в 1980-х и 1990-х годах. Однако точно так же попытки достижения целей развития человека без решения фундаментальных экономических проблем в лучшем случае принесут такой прогресс, который не будет устойчивым и, возможно, даже окажется контрпродуктивным в долгосрочной перспективе. Бедность, недоедание, болезни и низкий уровень образования – это по сути дела часть порочного круга, который во многом помешал НРС достичь социально-экономического прогресса. Все эти социальные проблемы создают серьезные препятствия для производственных капиталовложений и в конечном счете сдерживают их экономическое развитие. В свою очередь низкая экономическая динамика ограничивает возможности уменьшения бедности и выделения ресурсов, необходимых для развития здравоохранения и образования, тем самым закрепляя этот порочный круг.

Чтобы разорвать этот порочный круг и заменить его кругом "добродетельным", необходим высокий рост производительности труда, который, в сочетании с созданием рабочих мест, требуется для долгосрочного экономического роста. Тем самым открывается возможность непрерывного роста реальных трудовых доходов, необходимого для развития человека и уменьшения бедности. Единственный способ достижения этого –

структурные преобразования, благодаря которым ресурсы переключаются с менее производительных на более производительные производства, а экономика может постоянно создавать новые динамичные производства, характеризующиеся более высокой производительностью. Такая трансформация необходима в контексте планируемых ЦУР. С 1990 года только несколько НРС продемонстрировали сколь-нибудь существенную экономическую трансформацию, и во многом именно ее отсутствие объясняет их в целом низкие результаты достижения ЦРТ.

Ввиду того, что предлагаемые ЦУР еще более масштабны, чем ЦРТ, их достижение потребует еще больших усилий. Однако этому не способствует нынешняя неясность внешней конъюнктуры, когда глобальная экономика продолжает преодолевать последствия финансового кризиса. Поэтому достижение этих новых целей потребует ни много ни мало революции экономической динамики НРС. Конкретно, это потребует их структурной трансформации в масштабах, не имевших прецедента в этих странах.

Достижение ЦУР также потребует значительного роста доходов самых малоимущих. В 2010 году средний доход самых бедных 5% населения НРС в целом составил около 0,25 долл. в день. Увеличение этого среднего показателя до 1,25 долл. в день к 2030 году потребует пятикратного роста, или, иными словами, среднегодового роста душевого дохода на 8,3%. Это в три раза больше показателя, достигнутого при благоприятной экономической конъюнктуре 2002–2010 годов (2,7% в год) и в 20 раз больше достигнутого в предыдущие два десятилетия (0,4% в год). Даже при этом около 2–3% населения по-прежнему будут зависеть от трансфертов доходов как средства преодоления крайней нужды.

В некоторых НРС доходы наиболее бедных групп населения гораздо выше и эта задача может быть более решаемой. Бутан уже добился снижения доли живущих в бедности (1,25 долл. в день) до менее 5%. Пять других НРС (Джибути, Йемен, Камбоджа, Сан-Томе и Принсипи и Судан) имеют долю бедного населения 13–20%. Однако с другой стороны шкалы пять НРС (Бурунди, Демократическая Республика Конго, Замбия, Либерия и Мадагаскар) в 2010 году имели долю бедных 75–85%. В общем плане средний доход наиболее бедных 5% населения этих стран составляет лишь 0,13 долл. в день, поэтому для достижения цифры 1,25 долл. в день к 2030 году требуется ежегодный рост в 15%. Таким образом, им предстоит решить колоссальную задачу.

То, что необходимо, – это не только увеличить общую производительность труда, но и создать возможности производительной и приносящей хороший заработок занятости (и самозанятости) для всей рабочей силы при достаточно высокой производительности труда, удерживающей доходы выше черты бедности. Это означает, что рост спроса должен опережать рост производительности труда. Если рост производительности труда не будет сопровождаться как минимум таким же ростом спроса (внутреннего и иностранного), то либо уменьшится занятость, либо работники будут вытеснены из отраслей с растущей производительностью труда в нишевые отрасли неформальной экономики и семейного сельского хозяйства с более низкой производительностью труда. В обоих случаях бедность будет расти, а не сокращаться.

Ни неолиберальный рыночный подход, ни более интервенционистская восточноазиатская модель, основанная на экспорториентированном производстве готовых изделий, по-видимому, не позволит достичь занятости для всех с достаточно высокой производительностью труда. Как в Латинской Америке, так и в Африке к югу от Сахары неолиберальная модель повысила эффективность обрабатывающей промышленности главным образом за счет вытеснения сравнительно неэффективных производителей, в то время как уцелевшие сократили работников. Хотя это позволило поднять производительность труда обрабатывающей промышленности, совокупная занятость в секторе упала. Результатом стал процесс обратной структурной трансформации, при котором труд перемещался из сектора обрабатывающей промышленности в сектора с более низкой производительностью труда, в особенности неформальный сектор.

Восточноазиатская модель больше подходит для структурной трансформации в той мере, в какой она способствует росту занятости в обрабатывающей промышленности. Однако одного этого окажется явно недостаточно для искоренения нищеты за 15 лет в большинстве НРС. Максимальный уровень занятости в обрабатывающей промышленности снижается несколько поколений подряд в индустриальных странах, с более 30% в Германии и Соединенном Королевстве до около 15% в нескольких латиноамериканских и азиатских странах, начавших процесс преждевременной деиндустриализации. Этого явно недостаточно для роста занятости при более высокой заработной плате, необходимого для искоренения нищеты в большинстве НРС.

Этот анализ показывает, что занятости в одной лишь обрабатывающей промышленности недостаточно для создания в нужном количестве хорошо оплачиваемых рабочих мест для достижения цели искоренения нищеты: огромное значение также будет иметь повышение производительности труда и доходов в других секторах, в особенности в сельском хозяйстве и сфере услуг. В частности, решающее значение для уменьшения бедности в НРС имеет сельское хозяйство. Большинство населения НРС живет в сельских районах, за совсем немногими исключениями (Джибути, Сан-Томе и Принсипи, Ангола, Гамбия, Гаити и Тувалу, где в сельских районах живет 36–49% населения). В 20 странах, в том числе в трех из пяти экспортеров готовых изделий, доля сельского населения составляет 70–90%. Во всей группе НРС всех развивающихся регионов бедность также обычно шире распространена в сельских районах, чем в городских районах, даже если учесть различия в стоимости жизни, хотя со временем эта тенденция, по-видимому, ослабевает.

Таким образом, в значительном большинстве НРС дополнительные доходы, необходимые для искоренения нищеты, больше всего нужны сельским жителям. Даже при неограниченном росте занятости в городах потенциал искоренения нищеты лишь благодаря развитию промышленности будет ограниченным в силу социальных и экологических факторов, сказывающихся на темпах урбанизации. Кроме того, потенциал роста производительности труда в сельском хозяйстве без сколь-нибудь существенного снижения занятости ограничивается существенным избытком труда в низкотоварном сельском хозяйстве большинства НРС. Это указывает на то, что диверсификация сельской экономики с развитием несельскохозяйственных производств и созданием несельскохозяйственных источников доходов в сельских районах должна стать ключевой целью. Даже в странах, закрепивших свои позиции экспортеров готовых изделий, это, скорее всего, станет дополнением дальнейшей индустриализации, необходимым для искоренения нищеты к 2030 году.

Структурные преобразования и производительность труда в НРС

Экономическое развитие – длительный и сложный процесс, связанный с постепенным ростом производительности труда при одновременных широкомасштабных сдвигах в структуре экономики, когда появляются новые ведущие сектора, становящиеся локомотивами роста занятости и/или технологической модернизации. В краткосрочном плане любой из этих механизмов, даже в изоляции, может служить фактором роста. Однако в среднесрочном и долгосрочном плане экономическое развитие может быть устойчивым только тогда, когда рост производительности труда и сдвига в структуре экономики происходят рука об руку.

Рост производительности труда необходим для поддержания динамики доходов и заработной платы, позволяющей достичь намеченные цели развития. Рост производительности труда также создает условия структурной трансформации, происходящей из-за асимметричного между секторами роста добавленной стоимости. В свою очередь, обеспечивая перелив ресурсов в более производительные сектора, структурная трансформация способствует росту общей производительности труда. Таким образом, без структурной трансформации значительная часть потенциального выигрыша в производительности труда окажется невостребованной. В равной мере без спускового механизма динамики производительности труда структурная трансформация натолкнется на серьезные препятствия.

В период 1991–2012 годов душевой выпуск рос в НРС среднегодовыми темпами, составлявшими всего лишь 2,6%, хотя и при существенных различиях между этими странами. Экспортеры разных видов продукции и экспортеры готовых изделий (в последней группе доминировали азиатские НРС) показали результаты выше средних: в них среднегодовой прирост составил 3,3%. Вторая группа стран, которые росли медленнее, – на 1,9–2,7% в год – состоит из экспортеров топлива и услуг. Наконец, в экспортерах минерального сырья, а также продовольственных и сельскохозяйственных товаров за этот период душевой выпуск либо переживал застой, либо снизился. Все страны обеих групп экспортеров находятся в Африке, за исключением Соломоновых Островов. В общем плане экономическая динамика африканских НРС – отраженная в выпуске на душу населения – отстает от НРС других регионов.

Измерение структурной трансформации с помощью изменений отраслевой структуры занятости показывает, что большинство азиатских производителей готовых изделий добились опережающих темпов трансформации: здесь доля сельскохозяйственного сектора в занятости сократилась на 16,2 п.п. За этой группой НРС следуют экспортеры услуг и экспортеры разных видов продукции, где доля сельского хозяйства в занятости снизилась соответственно на 10 п.п. и 9 п.п. Противоположное место занимают экспортеры продовольственных и сельскохозяйственных товаров, а также минерального сырья – и там, и там доминируют африканские НРС, – в которых структурной трансформации занятости не произошло или почти не произошло.

Различия в темпах роста производительности труда между группами тесно связаны с динамикой их экономических структур. Африканские НРС и Гаити отставали от других региональных групп НРС, демонстрируя рост производительности труда в среднем на 1,6% за год в период 1991–2012 годов. Это – половина годового прироста, достигнутого азиатскими НРС. Другая картина складывается в островных НРС, где производительность труда в относительном выражении снижалась до 2003 года, когда эта тенденция резко развернулась вверх. Впечатляющая экономическая динамика этой группы НРС последнего времени во многом обусловлена ростом эксплуатации запасов нефти и газа в Тиморе-Лешти, благодаря которому среднегодовые темпы прироста по этой группе поднялись до 5,8%.

Проблемы повышения производительности труда, с которыми сталкиваются НРС, становятся еще более очевидными при их группировке по экспертной специализации. Самую высокую динамику показывали экспортеры готовых изделий и разных видов продукции. Хотя в начале 1990-х годов они демонстрировали снижение производительности труда по отношению к ДРС, впоследствии им удалось стабилизировать ситуацию и достичь среднегодового прироста удельной выработки на работника в 2,9%. Самую низкую динамику демонстрировали НРС – экспортеры продовольственных и сельскохозяйственных товаров и минерального сырья. Производительность труда в странах первой группы в период 1991–2012 годов снижалась в абсолютном выражении в среднем примерно на 0,8% в год, а среди экспортеров минерального сырья она переживала застой.

В общем плане быстрорастущие НРС демонстрируют как значительный рост производительности труда, так и крупные структурные сдвиги в занятости во всех секторах: сельском хозяйстве, промышленности и услугах.

В период 1991–2012 годов страны со среднегодовым приростом 3% или более показали опережающий рост производительности труда на уровне секторов и более глубокие сдвиги отраслевой структуры занятости. В основном это были экспортеры продукции обрабатывающей промышленности. Однако среди НРС только эта группа превзошла рекордные показатели ДРС по доле совокупного роста производительности труда, обеспеченной перераспределением рабочей силы между секторами.

Поэтому структурные изменения и поступательный рост производительности труда тесно связаны с ростом доходов, который в свою очередь необходим для достижения целей развития. Такая двойная взаимозависимость отчасти объясняет тесную позитивную связь между степенью достижения ЦРТ и степенью структурной трансформации в группе НРС. Однако структурные преобразования могут также способствовать достижению ЦРТ независимо от их воздействия на душевой доход. При данном уровне роста доходов увеличение заработной платы, связанное с ростом производительности труда, может способствовать искоренению нищеты и прогрессу по остальным ЦРТ. Сходным образом, переключение ресурсов, например с добывающего сектора на обрабатывающую промышленность, вероятно, приведет к созданию новых рабочих мест даже при неизменности совокупного производства. Поэтому в "Докладе о наименее развитых странах за 2014 год" сделан тот вывод, что по нескольким ЦРТ корреляция между ростом и степенью достижения ЦРТ была гораздо выше в тех странах, которые проводили структурные преобразования быстрее, чем те страны, которые запаздывали с такой трансформацией. В последнем случае воздействие роста доходов на развитие человека было близко к нулю.

Только в нескольких НРС экономический рост был связан со структурной трансформацией, высоким ростом производительности труда и решительным продвижением вперед к достижению ЦРТ. Большинство НРС показали в 2000-х годах высокий экономический рост при, однако, незначительной структурной трансформации. Такое несоответствие требует более тщательного изучения, включая исследование опыта тех развивающихся стран, не относящихся к НРС, которые добились больших успехов в создании "добродетельного" цикла структурной трансформации роста производительности труда и развития человеческого потенциала в последние десятилетия. Это позволило им запустить рассчитанный на перспективу процесс развития и тем самым добиться успехов в выполнении ЦРТ. Проводимая ими политика может послужить важным уроком для

ЦРТ, стремящихся к достижению новых целей развития в период после 2015 года. Для НРС крайне важно выработать такую концепцию экономической политики, которая способствовала бы росту производительности труда и постепенному переключению ресурсов на более производительные сектора в процессе их развития.

Структурные преобразования, производительность труда и политика развития в некоторых развивающихся странах, не относящихся к категории НРС

В Докладе о наименее развитых странах за 2014 год рассмотрен вопрос о том, какие уроки НРС могли бы извлечь из опыта роста четырех добившихся успеха развивающихся стран, не относящихся к группе НРС: Вьетнама, Китая, Маврикия и Чили. Эти страны были отобраны отчасти из-за их успеха в достижении большинства ЦРТ за краткий период времени в результате их стремительного социально-экономического развития, а также отчасти из-за того, что они представительны в отношении широкого набора условий и обстоятельств, включая размеры, географическое размещение, политику, историю и демографию. Диапазон их душевого ВВП на первых стадиях их соответствующих экономических реформ аналогичен диапазону душевого ВВП в НРС в 2013 году. Они представляют три развивающихся региона, а их население варьируется от 1,3 млн. человек на Маврикий до 1,3 млрд. человек в Китае, к тому же у них крайне различные политические, культурные и исторические традиции и социальные структуры. Существенным образом разнятся и их производственные структуры: Китай стал "мастерской мира", экономика Чили по-прежнему во многом зависит от добывающей промышленности, в то время как Вьетнам и Маврикий демонстрируют сочетание и того, и другого.

Уроки из прошлого развития стран должны толковаться с большой осторожностью, когда на них предполагается строить стратегию в других странах. Уяснение динамического опыта страны сопряжено с аналитическими рисками и с течением времени может потребовать реинтерпретации в силу неполного понимания движущих сил роста и развития. Однако было бы столь же неосторожно предполагать, что случаи успеха не могут дать вообще никаких полезных идей или уроков. Общие уроки из опыта связаны главным образом с "демонстрационным эффектом" возможных способов достижения

структурных преобразований, а также общими видами инструментов и стратегий политики, институциональных механизмов и инноваций, которые вносят вклад в этот процесс. Общие очертания структурных преобразований достаточно просто обрисовать в ретроспективе, однако более тонкие детали и конкретные политические рецепты должны, безусловно, твердо основываться на предварительном анализе ситуации конкретных стран.

Прежде всего, структурные преобразования требуют политики, способствующей инвестициям в ряде секторов и производств с высокой производительностью труда и в повышении эффективности уже существующих производств, причем одно и другое требование связаны с инновациями разных видов. Хотя для этого имеется разнообразный политический инструментарий, на основе примеров по четырем странам выделяются три взаимозависимые области экономической политики, имеющие огромное значение для поддержания процесса экономических преобразований. Первая область политики – это мобилизация ресурсов как государственным, так и частным сектором. Здесь имеются в виду инструменты привлечения и мобилизации ресурсов, необходимых для инвестирования в производственную активность, включая социально-экономическую инфраструктуру. Финансовые и банковские системы играют незаменимую роль в определении характера мобилизации и распределения ресурсов, и они могут повлиять на возможности маневра во второй области политики. Эта вторая область – промышленная и отраслевая политика, с помощью которой директивные органы направляют развитие тех или иных видов экономической активности или хозяйствующих субъектов (или их групп), исходя из национальных приоритетов развития. Они охватывают как горизонтальную политику (проводимую во всех секторах, например для преодоления несовершенств рынка и внешних эффектов в масштабах всей экономики), так и вертикальную политику (которая касается только отдельных отраслей или производств), хотя обе они в значительной мере перекрывают и дополняют друг друга.

В-третьих, успешная структурная трансформация требует соответствующей макроэкономической политики. Хотя обычно считается, что макроэкономическая политика ставит своей основной целью краткосрочное регулирование агрегированных параметров, она также имеет долгосрочный эффект, который может иметь решающее значение для успеха структурных преобразований. Особое значение имеют ее последствия для государственных капиталовложений, наличия и стоимости кредита и реального валютного курса, а также внутреннего спроса.

Самое главное, изучение соответствующих конфигураций политики в случае этих четырех стран в конкретные моменты времени высвечивает связи между большей согласованностью этих трех областей политики и более динамичных форм структурных экономических преобразований. В каждой из этих стран, пытаясь лучше учесть национальные интересы, проблемы и цели развития, правительство часто проводило выборочную адаптацию политического инструментария и институциональных механизмов, не соответствовавшую тогдашним рекомендациям в духе обычной экономической политики. Таким образом, опыт этих стран показывает (хотя и в разной степени) внимание правительств не столько к передовому опыту формирования политики, сколько к использованию мер политики, максимально эффективных при данных институциональных возможностях.

Чили часто считают моделью приверженности рыночным принципам, однако в действительности ее рыночные реформы отражают более прагматичный и гибкий подход, в особенности в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Что касается финансовой сферы, то Чили начала процесс финансовой либерализации в 1970-х годах, в итоге завершив процесс либерализации операций по счету капитала к 2001 году. Однако в то же время "Банко эстадо" (государственный коммерческий банк) был и остается одним из ключевых игроков финансового сектора Чили, предоставляя широкую гамму финансовых услуг малым и средним предприятиям (МСП) и мелким вкладчикам. Правительство также создало две специализированные программы для финансирования взаимодействия между местными фирмами и исследовательскими организациями для ускорения модернизации и инноваций в отечественной промышленности и ускорения структурных преобразований.

Чили удалось постепенно диверсифицировать свою экономику, дополнив производство меди другими отраслями переработки продукции горнодобывающей промышленности, а также развив такие производства по переработке природного сырья с высокой добавленной стоимостью, как пищевая, лесная и мебельная, целлюлозно-бумажная и химическая промышленность. Характер и степень использования инструментов государственной политики, институтов и стимулов были разными в зависимости от первоначальной ситуации в конкретной отрасли. С 1980-х годов по начало и середину 2000-х годов в промышленной политике Чили приоритет имела "горизонтальная" (или "функциональная") политика, ставившая цель преодоления конкретных сбоев рынка в разных секторах, основывавшихся на существовавших сравнительных преимуществах.

Однако в середине 2000-х годов чилийское правительство также признало необходимость проведения "вертикальной" политики, связанной с конкретными стратегическими мерами и инвестициями в отдельных отраслях и фирмах.

Еще один важный аспект усилий Чили по диверсификации экспорта – роль, которую сыграло правительство в заключении двусторонних и региональных соглашений о свободной торговле (РТС) с основными импортерами товаров и услуг Чили. В большинстве случаев страна смогла избежать введения возможных ограничений торговли в отношении ее экспортеров, одновременно сохранив политическое пространство для проведения своей стратегии промышленной политики, в частности сохранив за собой возможности использования макропруденциальной политики и мер контроля за движением капитала.

Согласованность макроэкономической политики, в частности в 1990-х годах, также имела решающее значение для общей стратегии развития. С одной стороны, Чили пыталась оставаться открытой для ПИИ, хотя и препятствовала краткосрочным и спекулятивным притокам. С другой стороны, правительство проводило интервенции на валютных рынках для регулирования валютного курса, компенсируя накопление валютных резервов стерилизацией последствий этого для денежной массы путем выпуска государственных облигаций. Такой комплекс мер политики способствовал защите и укреплению ее стратегии развития, которая была нацелена на рост и диверсификацию экспорта. Однако к концу 1990-х годов политическая конфигурация оставалась прежней и не была интенсифицирована для противодействия наплыву капитала в этот момент, что в конечном счете привело к тому, что экономическая политика стала менее эффективной.

Переход Китая от плановой экономики представляет собой традиционный подход, характеризующийся постепенной и стратегической моделью интеграции в мировое хозяйство. В своей сердцевине китайская стратегия содержит такой подход к экономической реформе, который предусматривает уделение приоритетного внимания микроуровню, на котором центральное значение придается решениям в масштабе всей экономической политики. При приоритете микроуровня сначала создаются стимулы, в частности, с привлечением институциональных механизмов, в качестве необходимого первого шага в направлении к большей либерализации рынка.

На протяжении значительной части периода реформ Китай привлекал ресурсы главным образом в виде нераспределенной прибыли и благодаря так называемой "финансовой сдержанности", что не оставляло особых альтернатив аккумулированию сбережений в государственных банках. Однако в то же время китайское правительство реорганизовало одноуровневую систему банков, создав на ее основе двухуровневую систему, в которой Центральный банк занимается денежной политикой (например, вопросами денежного обращения и ограничением инфляции) и надзором за коммерческими банками с помощью регулирования и контроля, а коммерческие банки занимаются привлечением и перераспределением финансовых ресурсов.

Поэтапный подход Китая к реформам сначала был применен в сельскохозяйственном секторе. Был проведен переход от коллективной системы организации сельскохозяйственного производства к "системе ответственности домохозяйств". Китайские власти также активно содействовали диверсификации сельскохозяйственного производства с переходом к возделыванию более дорогих культур на основе финансируемых государством сельскохозяйственных исследований и услуг сельхозпропаганды. Реформа сектора промышленности, последовавшая в середине 1980-х годов, ставила цель изменения структуры стимулов на уровне предприятий при одновременном совершенствовании функционирования рынков, в которых действовали эти фирмы. Другой важнейшей реформой сектора промышленности в тот период стал выборочный демонтаж монополий: государство оставило за собой контроль за крупными предприятиями, в основном первых переделов, в то время как его доля в собственности предприятий последующих переделов, таких как полиграфия, производство мебели и изделий из пластмасс, резко сократилась.

Такие постепенные реформы в секторах финансов и промышленности сопровождалось проведением последовательной макроэкономической политики. Китайское правительство придерживалось ограничительного подхода в политике валютного курса и в вопросе либерализации движения капитала, что отражало двуединую задачу поддержания внутри страны макроэкономической стабильности при одновременной реализации для экономики выгод торговли и притока капитала. Это объясняет, почему китайская валюта с 1995 года де-факто привязана к доллару: чтобы избежать завышения валютного курса и сохранить конкурентоспособность на экспортных рынках. В то же время меры контроля за движением капитала

были ориентированы на приоритет ПИИ, что должно было способствовать притоку ПИИ, считавшимися более стабильными по сравнению с портфельными инвестициями, которые рассматривались как более неустойчивые.

Маврикий – еще один пример постепенной и неортодоксальной либерализации экономики. Он проводил двунаправленную стратегию, в соответствии с которой часть экономики была почти полностью открытой, а другая – строго закрытой. В области мобилизации ресурсов на протяжении 1980-х годов Маврикий сохранял меры строгого контроля за своей финансовой системой, в которой доминировали коммерческие банки. Хотя многие из этих мер были постепенно отменены в ходе 1990-х годов, правительство сохранило контроль за Банком развития Маврикия (БРМ), одним из главных учреждений по государственной поддержке экспорта. Используя субсидируемые процентные ставки для поддержки государственной политики, БРМ служил источником значительной доли кредитов и стартового капитала, использовавшегося для диверсификации экономики в целях преодоления ее монокультурного характера. После кризиса 2008–2009 годов правительство стало уделять возросшее внимание МСП и БРМ был преобразован в банк, призванный оказывать поддержку микро-, малым и средним предприятиям.

До середины 1960-х годов производство сахара и смежные производства оставались основой промышленности, пока государство не стало проводить политику импортозамещения для форсирования диверсификации экспорта. В 1970 году государство переориентировало свою стратегию на развитие экспорториентированных обрабатывающих производств в результате принятия закона о зоне экспортной переработки, в котором предусматривался ряд льгот. В 1970-х годах экономика Маврикия по-прежнему пользовалась высокой защитой, обеспечивавшейся разнородной структурой тарифа и высокой средней ставкой, и эта политика сохранялась на протяжении 1980-х и 1990-х годов, хотя со временем уровень защиты снизился. Неортодоксальный процесс либерализации экономики страны обеспечивался преференциальным доступом, предоставлявшимся ее торговыми партнерами для поддержания рентабельности его сахарной и швейной промышленности – основы маврикийского экспорта, в частности в 1980-х и 1990-х годах.

В 1980-х годах в макроэкономической политике Маврикия использовались различные механизмы привязки валютного курса для стабилизации его валюты до перехода к регулируемому плаванию в середине 1990-х годов. Хотя в настоящее время на Маврикий сохраняются лишь очень ограниченные меры контроля за движением капитала, главная задача Банка Маврикия – обеспечение конкурентоспособности экспорта страны, а вторая по важности задача – поддержание ценовой стабильности.

Во Вьетнаме был реализован ряд мер политики, которые были призваны коренным образом изменить основу структуры экономики, при постепенном проведении "двойной" экономической реформы вместо быстрой радикальной реформы. Его стратегия "экономического обновления" (doi moi), начатая в 1986 году, преследовала две главных цели: первая – обеспечить переход от централизованного планового хозяйства к рыночной экономике на основе отражения внутренними ценами мировых цен, увеличения числа предприятий, получивших право выхода на внешний рынок, устранения перекосов валютного курса и реорганизации управления предприятиями, чтобы регулирование осуществлялось косвенным образом с использованием рыночных цен. Вторая задача заключалась в том, чтобы оказывать поддержку экспорториентированным производствам для выправления антиэкспортного крена прежней экономической системы.

Что касается мобилизации ресурсов, то в 1988 году Вьетнам начал свою первую крупную реформу финансового сектора, создав двухуровневую банковскую систему как в Китае.

Проведение стратегии обновления началось во Вьетнаме с сельского хозяйства, в частности рисоводства. В 1988–1989 годах было упразднено коллективное сельское хозяйство, а земля была распределена между домохозяйствами крестьян, которые были признаны в качестве основной единицы сельскохозяйственного производства. Другой крупной инициативой стали реформы на уровне предприятий, направленные на расширение их самостоятельности в вопросах хозяйственной деятельности и на улучшение общей ситуации на рынке, включая допуск на него иностранных фирм. Внутренние реформы подкреплялись подписанием международных торговых соглашений и договоренностей. Несмотря на значительное снижение и связывание всех тарифов, Вьетнам в последнее время использовал элементы гибкости глобального торгового режима для повышения тарифов до связанного уровня по ряду товаров.

Наконец, в стране принята неортодоксальная концепция макроэкономической политики, сочетающая поддержание стабильного конкурентоспособного валютного курса со строгим контролем за притоком и оттоком капитала при одновременном достижении определенной степени независимости своей денежно-кредитной политики.

Повестка дня развития на период после 2015 года для НРС

Предлагаемые ЦУР исключительно масштабны – гораздо более масштабны, чем ЦРТ. Их достижение потребует темпов структурных преобразований в НРС, как минимум сопоставимых с темпами наиболее успешных ДРС, а уменьшение бедности должно будет происходить еще быстрее, чем в Китае. Хотя масштабность этих задач стоит приветствовать, достичь их будет крайне сложно, в особенности в тот период, когда перспективы глобальной экономики намного менее благоприятны, чем на протяжении большей части периода после 2000 года, не говоря о новых проблемах, вызванных изменением климата.

Кроме того, экономика НРС функционирует в рамках взаимозависимой глобальной экономики, в которой страны, которые провели индустриализацию первыми, уже накопили значительные преимущества в плане издержек производства и производительности труда, из-за чего новым производителям становится относительно сложнее проводить модернизацию и диверсификацию своей производственной системы. В этой связи использование адресной, избирательной и более масштабной государственной политики модификации их экономических систем и форсирования экономического динамизма имеет огромное значение.

Однако экономическую политику нельзя вычертить по одному лекалу. Страны, добившиеся успеха в прошлом, использовали самые разнообразные институциональные механизмы и меры политики, включая развитие рынка, меры технологической модернизации, расшивку узких мест в инфраструктуре и поддержку развития предпринимательства. Поэтому одинаковая для всех модель развития и экономической политики работать не будет. Вместо этого следует рассмотреть прагматический подход, основанный на сочетании мер политики, выбранных под конкретные задачи. Те виды инструментов политики, которые могли бы содействовать ускорению структурных

преобразований и создать условия для достижения ЦУР, были названы в "Докладе о наименее развитых странах за 2014 год". В нем также изложены соображения по поводу того, какие реформы глобальной экономической системы и какие меры международной поддержки потребуются в интересах НРС.

Мобилизация ресурсов. Огромное значение для трансформации экономики имеют производственные инвестиции. Однако в большинстве НРС из-за неразвитости финансовых институтов в сочетании с ограниченными возможностями рентабельных производственных инвестиций при приемлемо низком уровне риска, наряду с другими причинами, нормы производственного накопления хронически низки. Поэтому в НРС государству следует содействовать развитию финансового сектора, ориентированного на производственные инвестиции, одновременно создавая возможности частных инвестиций в производства, способствующие трансформации экономики.

ПИИ играют важную роль в добывающей промышленности многих НРС и в развитии экспорториентированной обрабатывающей промышленности в других этих странах. Благодаря продуманным мерам политики и стимулам такие инвестиции могут быть поставлены на службу стратегиям развития, связанным с диверсификацией экономики и передачей технологий. Особую выгоду для НРС несут ПИИ в обрабатывающей промышленности, которые используют более трудоемкие технологии и создают более широкие возможности занятости (часто Юг–Юг). Производственные инвестиции диаспоры, хотя и, вероятно, более ограниченные по масштабам, могут принести большие положительные результаты для процесса развития, сочетая преимущества внутренних инвестиций и ПИИ.

Банки развития могут играть важную роль в мобилизации ресурсов для производственных инвестиций. Они могут способствовать инвестициям в производство с высокой социальной нормой окупаемости и способствовать взаимозависимым и дополняющим друг друга инвестициям. От них не следует ждать такой же прибыльности, что и от частных кредиторов, в свете их роли по генерированию внешних эффектов. Однако их оптимальная стратегия заключается не в минимизации ошибок, а в минимизации издержек ошибок, если те возникают. Информация, которую дает неудача инвестиционного проекта – это также внешний эффект, и ее изучение и распространение должно быть важным элементом деятельности банка развития. Это особенно важно для инновационных инвестиций.

Инвестиции в инфраструктуру (например, в инфраструктуру топливно-энергетического комплекса, транспорта и связи) – это еще одно важное средство повышения рентабельности многих секторов экономики и ускорения структурных преобразований. Они должны дополнить вложения в инфраструктуру, необходимые для того, чтобы НРС достигли ЦУР, например в областях здравоохранения, образования, водоснабжения и санитарии. Общая сумма необходимых финансовых ресурсов, вероятно, превысит возможности накопления большинства НРС или их ограниченные возможности формирования государственных доходов. ПИИ могли бы заполнить этот зазор, предоставив дополнительные ресурсы в некоторых секторах, однако они должны дополняться ростом ОПР. Положительные результаты ОПР для развития можно увеличить благодаря использованию трудоемких технологий и местных закупок при сооружении объектов инфраструктуры, а также соответствующему выстраиванию последовательности инфраструктурных капиталовложений.

Для экспортеров топлива и минерального сырья важную роль в обеспечении финансирования как для государственных, так и для частных капиталовложений может сыграть ресурсная рента. Такая рента имеет то преимущество по отношению к ОПР, что она допускает ее более гибкое использование, позволяя государству устанавливать свои собственные приоритеты и избегать некоторых ограничений, связанных с помощью. Хотя доходы от добывающей промышленности могут быть нестабильными и непредсказуемыми, отражая колебания цен на рынке, расходы могут быть сглажены во времени – при аккумулировании ресурсов в период высоких цен и их использовании в период низких цен, – благодаря чему рента, помимо финансирования инвестиций, может выполнять стабилизирующую функцию. Равным образом там, где добывающая промышленность вызывает перекосы в географическом распределении доходов, она может предоставлять средства для более справедливого перераспределения доходов между регионами.

Промышленная политика. Экономическое развитие – это процесс непрерывных технологических инноваций, модернизации промышленности и структурных преобразований, которые невозможно защитить от сбоя рынка. В развивающихся странах рынки часто не полны или деформированы (например, в результате внешних факторов и монополизма), и это служит сильным теоретическим аргументом в пользу применения промышленной политики, нацеленной на изменение отраслевой структуры экономики и опережающее развитие более динамичных отраслей и производств.

Инвестиции в новые сектора или использование новых производственных технологий имеют огромное значение для структурной трансформации и экономической диверсификации, однако они связаны с существенной неопределенностью, и рыночные сигналы не отражают их выгод для всей экономики. Этим объясняется необходимость проактивной поддержки таких инвестиций.

Необходимость переориентации от традиционного сектора на современный сектор не означает, что инвестиции должны ограничиваться современным сектором. Наоборот, капиталовложения, призванные повысить производительность труда в сельском хозяйстве, также имеют решающее значение, поскольку значительная часть рабочей силы останется в этом секторе. Равным образом, диверсификация сельской экономики в связи с отходом от сельского хозяйства и повышением удельного веса несельскохозяйственных доходов – важнейшее дополнение структурной трансформации, необходимое для того, чтобы она смогла достичь быстрого сокращения бедности. Сельская электрификация с использованием возобновляемых источников энергии могла бы значительно ускорить этот процесс. Оптимального сочетания структурной трансформации и сокращения бедности можно достичь в том случае, если предложение и спрос на рынке сельскохозяйственной и несельскохозяйственной продукции будут изменяться параллельно.

НРС необходимы такие инвестиции, которые создают значительное число рабочих мест, а не снижают безработицу. Такие возможности могут возникнуть, в частности, благодаря увеличению ОПР, росту спроса, связанному со снижением бедности, а также развитию хозяйственных связей между существующими в стране производствами и ПИИ в качестве поставщиков и потребителей друг друга. Так, для экспортеров минерального сырья и сельскохозяйственной продукции формирование кластеров добывающих производств могло бы стать ценным шагом в направлении к структурной трансформации. Аналогичные стратегии могли бы также быть перспективными для других НРС, имеющих относительно высокий сельскохозяйственный потенциал.

Макроэкономическая политика. Структурная трансформация, необходимая для достижения ЦУР на устойчивой основе, требует макроэкономической политики, содействующей развитию как инвестиций, так и спроса. Повышение производительности труда требует инвестиций, а для инвестиций нужен рост спроса как источник возможностей

производства. Рост спроса необходим и для увеличения производительности труда одновременно с ростом занятости. Это указывает на то, что общая цель макроэкономической политики должна заключаться в относительной экспансии.

Разумеется, должное внимание необходимо уделять финансовой устойчивости и ценовой стабильности. Однако для обеспечения устойчивого роста важно, чтобы денежно-кредитная политика не допускала чрезмерного ограничения наличия кредита, который должен быть достаточным для производственных инвестиций как важнейшего условия структурной трансформации. В НРС наличие кредита также поможет мелким предприятиям расти и диверсифицировать производство. Иными словами, особое значение имеет содействие доступу к кредиту. Переориентируя кредит с потребления на производственные инвестиции, НРС могут расширить источники роста и уменьшить чрезмерную зависимость от импорта.

Неопределенности, связанные с колеблемостью роста спроса, также чреваты угрозой для инвестиций. Поэтому контрольные показатели по дефициту должны допускать гибкость антициклической политики в понижительных фазах экономического цикла, в частности в странах, во многом зависящих от сырьевого экспорта. Некоторые меры налоговой политики и политики расходов на социальные нужды – например, прогрессивное налогообложение и меры по обеспечению благосостояния и социальной защиты – способны действовать как автоматические стабилизаторы. В странах с сырьевой зависимостью стабилизационные фонды или корректируемые экспортные налоги также могли бы в существенной мере способствовать сокращению неустойчивости роста.

Наконец, успешная экономическая трансформация требует такого регулирования валютного курса и торговли, которое позволяет производителям быть конкурентоспособными на внутреннем и мировом рынке.

Международные меры. Достижение ЦУР потребует больших усилий со стороны правительств НРС, а также потребует согласованных усилий международного сообщества. Совершенно очевидно, что это касается и помощи. Потребности в финансировании для достижения ЦУР велики, а структурная трансформация (как и адаптация к изменению климата) приведет к еще большему возрастанию таких расходов. У НРС не найдется

ресурсов для финансирования всех необходимых инфраструктурных вложений. Увеличение помощи и выполнение донорами обязательств по ОПР в отношении сумм ОПР и способов ее распределения, регулирования и предоставления – в частности, основы международной поддержки – будут поэтому играть огромную роль. Исключительно важно, чтобы ОПР поддерживала национальные стратегии развития и была увязана с ними.

Необходим приоритет разрешения остающихся долговых проблем НРС, как и реформы международной финансовой системы для обеспечения более эффективной и содействующей развитию системы предотвращения кризисов и реагирования на них. ЦУР в самом скором времени окажутся бессмысленны, если произойдет нечто подобное долговым кризисам 1980-х и 1990-х годов с их серьезными последствиями. Финансирование, призванное компенсировать экономические шоки, также могло бы во многом способствовать ограничению экономической нестабильности. Кроме того, усиление международной координации налогообложения для предотвращения пагубной налоговой конкуренции могло бы способствовать повышению государственных доходов. Можно было бы также проработать меры по поощрению производственных инвестиций граждан НРС, работающих за рубежом.

Исключительно важное значение также имеют реальные и справедливые решения проблемы изменения климата в силу особой уязвимости НРС для его последствий. Необходимо не только избегать ограничения выбросов НРС, которое способно препятствовать их развитию, но и тщательно оценивать косвенные последствия изменений, затрагивающих их экспорт, полностью компенсируя их путем поддержки мер диверсификации и расширения номенклатуры торговли.

В сфере торговли НРС следует расширить свои возможности полного использования беспозлиного и неквотируемого доступа на рынки развитых и развивающихся стран. Помощь торговле НРС – в том числе по линии Расширенной комплексной платформы (РКП) – должна быть увеличена, а ее цели необходимо пополнить поддержкой развития производственного потенциала при неукоснительном признании принципа приоритета интересов страны – получателя помощи. Необходимо способствовать ускоренному вступлению НРС во Всемирную торговую организацию (ВТО). Им также необходимо содействовать и способствовать во всемерном использовании свободы действий, оставленной для них в соответствии с соглашениями ВТО, для содействия развитию и структурной

трансформации. Необходимы также международные меры, позволяющие НРС использовать выгоды интеллектуальной собственности в интересах развития, в том числе с помощью реального осуществления повестки дня развития Всемирной организации интеллектуальной собственности и касающихся НРС положений Соглашения ВТО о связанных с торговлей аспектах прав интеллектуальной собственности. Конечной целью этих мер должно быть содействие передаче технологии НРС.

Анализ, представленный в "Докладе о наименее развитых странах за 2014 год", лишний раз указывает на необходимость согласованных усилий как НРС, так и международного сообщества по осуществлению реальных и согласованных мер политики, нацеленных на структурную трансформацию, необходимую для того, чтобы НРС могли решить свои колоссальные проблемы развития в период после 2015 года.

Д-р Мухиса Китуйи
Генеральный секретарь ЮНКТАД

